

Светлана Алешкина

*Отмычка
к ее жизни*

ЭКСМО

Новая русская

Светлана Алешина

Отмычка к ее жизни

«Научная книга»

2002

Алешина С.

Отмычка к ее жизни / С. Алешина — «Научная книга»,
2002 — (Новая русская)

Рано утром владелице ресторана «Чайка», по совместительству частному детективу Ларисе Котовой, позвонила жена администратора Городова и сообщила: ее муж только что доставлен в милицию по подозрению в убийстве соседки. Молодая женщина найдена зарезанной на лестничной площадке, на ноже отпечатки пальцев только Городова. Единственный свидетель, еще одна соседка, показала на допросе в милиции, что у подозреваемого с убитой были плохие отношения... По дороге домой Лариса размышляет: на все способен ее подчиненный, он вздорен, конфликтен, порой бывает злобным и недоброжелательным. Но Лариса уверена, что на убийство он не способен. Теперь дело за малым – нужно это доказать...

Содержание

Пролог	5
Глава 1	9
Глава 2	14
Глава 3	23
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Светлана Алешина

Отмычка к ее жизни

Пролог

- Так ты взял, что ли? – прозвучал вопрос из глубины комнаты.
- Взял, – несколько обиженно ответил сиплый мужской голос.
- Ну, так наливай!

Козырь выставил на грязный стол бутылки с водкой и полез в холодильник, откуда достал двухлитровую банку соленых огурцов. Потом ко всему этому было добавлено полбуханки черного хлеба, а также банка кабачковой икры.

– Ох, ни фиги себе! – восхищенно заметил выходящий из комнаты Шило. – Да мы сегодня живем! Откуда на икру-то деньги?

– Магазин дешевый нашел, – ответил Козырь. – Прикинь, там водка по тридцать два! Так что даже на хлеб хватило. И вот еще, – он вынул из кармана три пачки «Примы».

Взгляд Шила стал совсем веселым. Он, потирая руки, вышел из комнаты и опустился на колченогий табурет в кухне, принимаясь ножом открывать водку.

– Стаканы давай! – скомандовал он.

– А это пусть хозяин заботится! – Козырь пнул ногой развалившегося в кухне на старом диване еще одного собутыльника. – Вставай, Горбатый!

– Я тебе не Горбатый, а Горбачев Павел Петрович! – важно прокричал с дивана хозяин. – А то моду нашли...

Немилосердно сипя и шумно вздыхая, он слез с дивана и потянулся к буфету. Вслед за этим на столе появились три заляпанных граненых стакана, один из которых был надтреснут. Его он протянул собутыльнику по кличке Шило.

– Ну чо, поехали, что ли? – спросил Козырь, разлив водку.

– Поехали.

Они чокнулись, не произнося никаких тостов, поскольку здесь это было не принято. Всегда считалось, что пьют они исключительно за здоровье. Ну, разве что еще, может быть, с горя. Разговаривать о своей горемычной жизни приятели любили, но только после того, как принимали по крайней мере граммов по триста.

Действие происходило в старом ветхом деревянном доме, принадлежавшем Горбачеву. Все шло в соответствии с привычным сценарием – сначала выпивка, потом душевные разговоры за жизнь, затем слово за слово – драка, а потом и спокойное отбытие в мир сновидений.

– Хорошо пошла, – привычно сказал Шило, которому доводилось пить почти что все спиртосодержащее.

– Крепкая какая-то, – поморщился Козырь. – Ф-фу...

– Да вообще левота, – брякнул Горбачев, который никак не мог отдышаться и жадно вытягивал носом запах от хлебной корки.

– А ты чего хотел за тридцать два рубля? – обиделся Шило.

– Я деньги плачу, – важно сказал Горбачев.

– Деньги, деньги... Давай вон наливай! Деньги – дерьмо!

– Водка твоя дерьмо! – завелся Горбачев.

Однако приятели выпили еще по одной. Горбачев, закусывая огурцом, все никак не мог успокоиться.

– Вот раньше, – потрясая крючковатым пальцем, вещал он, – раньше водка была не такая. Нет, не такая... Раньше выпьешь так выпьешь. А сейчас – левота одна. Пьешь и думаешь, может, к утру очоуришься.

– Да нормальная водка! – ответил Шило.

– А если не хочешь – не пей, нам больше достанется, – заметил Козырь.

Подобная перспектива, однако, совершенно не устраивала Горбачева, он сам разлил остатки из первой бутылки и начал откупоривать следующую. Выпив, Горбачев продолжал:

– Раньше-то за качеством следили. А сейчас капиталисты хреновы ни фига не следят.

– Да какое там следили! – отмахнулся Шило.

– Следили, – убежденно заявил Горбачев. – А теперь не следят. Им только бы деньги заработать, а что народ травить – на это им плевать. Вот на Западе если что – сразу увольняют или вообще лавку закрывают. А что – по телевизору я смотрел, сам видел.

– Видел он! – передразнил его Козырь. – У тебя телевизор-то не работает. Третий год пылится.

Он кивнул в сторону старого черно-белого телевизора, который стоял прямо на полу в углу кухни.

– Слушайте, давайте его продадим, – пришла в голову мысль Шилу. – Все равно зря вещь пропадает. Если даже на запчасти, то это два пузыря.

– Я тебе продам! – прикрикнул Горбачев. – Это мне на свадьбу подарили.

– У тебя когда свадьба-то была? Тридцать лет назад.

– Вот именно. Юбилей бы в этом году справил.

– За это надо выпить, – проявил находчивость Козырь.

– Не за что пить-то, – горестно вздохнул Горбачев. – Нинка-то моя и знать меня не хочет. А я ее так любил, блин! Так любил!

– Любил, любил, – в излюбленной ворчливой манере передразнил Козырь. – Долюбил! Я свою тоже вон любил, а что толку? Как только здоровье сдавать стало, она мигом хвостом вильнула, кобеля нашла и смоталась!

– Так она тебе квартиру оставила! – заметил самый миролюбивый из компании Шило.

– Квартиру, квартиру... На хрена она мне сдалась?

– А что ты пропиваешь-то? – спросил Шило. – Ее же и пропиваешь.

– Небось и пропил уже, – поддакнул Горбачев.

– Это дело мое, – отрезал Козырь. – Потому и пропиваю, что не нужна. Я женился не из-за квартиры, а чтоб в доме хозяйка была. Таким хозяевам подол надо задирать, да ремнем по заднице толстой! А я все жалел, ну так, может, иногда... – смутился он.

– То-то она у тебя вся в синяках ходила после праздников, – заметил Горбачев и поводит рукой по животу. – Что-то нехорошо мне.

– Старый стал совсем, – тут же нашел объяснение Шило. – Давай выпей вон, все мигом пройдет!

И снова наполнил стаканы.

– А ты свою не бил, что ли, рожа твоя горбатая? – занюхивая рукавом, спросил Козырь.

– Это у кого это рожа горбатая? – набычился Горбачев. – Это вон у тебя кирпича просит.

– Да пошел ты!.. – огрызнулся Козырь.

– Ты кого это послал? – пуще прежнего взвился хозяин. – На мои пьем, и он еще меня посылать будет! Я тебе сейчас ребра-то пересчитаю!

– Кому это ты пересчитаешь? Ты что, бык, что ли? Или вагон здоровья? Так сейчас разгрузим!

Козырь начал тяжело подниматься со стула, сжимая кулаки. Горбачев потянулся за пустой бутылкой, сжал ее за горлышко и уже замахнулся, как его руку перехватил Шило.

– Вы что, мужики, вы что? Охренели, что ли?

– А что он здесь выпендривается? – кивнул в сторону Козыря Горбачев.
– А он чего? – в свою очередь ошетинился тот.
– Да ладно вам, еще вон осталось, – кивнул Шило в сторону водки.
– Я не буду, чего-то меня мутит, – признался Горбачев.
– Меня вообще-то тоже, – поддержал его Козырь и тут же нашел объяснение: – Это все из-за огурцов твоих!
– Чего ты тут на мои огурцы? Это жена моя делала.
– Когда? Двадцать лет назад? – хмыкнул Козырь.
– Это он небось у бабки своей спер, – улыбнулся Шило. – Помнишь, он снял какую-то шарму на Сенном два месяца назад? Женщина – подарок!

Козырь ухмыльнулся, вспомнив, с какой «необыкновенной красоты и обаяния» женщиной познакомился Горбачев на Сенном рынке, и пьяно загоготал. Дама та была украшена синяками, на нижней губе ее красовалась отвратительная бородавка, говорила она сквозь гнилые зубы и через слово был мат, а уж запах от нее исходил такой, что даже выдавшие виды Козырь и Шило брезгливо морщили носы и отворачивались. А уж хвасталось это чудо природы напропалую – и что в молодости она была красавица, и что сейчас еще, стоит ей только накраситься и пройтись по проспекту, как все мужики будут ее. А один, начальник самый главный, в ногах у ней валялся, замуж звал.

Воспоминания об этой женщине вызвали жгучий румянец на бледных щеках Горбачева, а смех собутыльников он счел невероятным оскорблением.

– Чо щеришься, босота? – окрысился он на Козыря. – С тобой даже такая не пойдет! Пятый год без бабы живешь.

– А они ему на хрен не нужны, – захихикал Шило. – Он свою женилку пропил давно! Пропил, да? А чего же с друзьями не поделился?

В ответ на это Козырь размахнулся и врезал Шилу со всей силы в лицо. Шило повалился на пол и, падая, сломал старый стул.

– Ах ты, сука! Убью! – завопил Горбачев, видя, как крушат его мебель.

Он схватил со стола бутылку, грохнул ее о стол и направил искореженное стекло в сторону Козыря. Тот, сатанея, успел сдернуть с ближнего к нему края стола кухонный нож и, крутя им в воздухе, засипел:

– Вот только подойди, коряга горбатая, я тебя вмиг порежу!

Чувствуя с пола, что события приобретают угрожающий оборот, поверженный Шило моментально вскочил на ноги и быстро заверещал, пытаясь уговорить своих товарищей по стакану:

– Мужики, будет вам ссориться! Так хорошо начали! Вы чо, в самом деле? Из-за бабы какой-то мразотной, ее уж и нет давно! Чего, в самом деле, о ней вспоминать? Давайте допьем лучше, поговорим за жизнь...

Горбачев, прислушавшись к его аргументам, отбросил «розочку» в угол. Козырь, с ненавистью глядя на него, медленно опустил нож. После этого прошел к столу, налил только себе и залпом выпил. Затем зачерпнул алюминиевой ложкой из банки икры и закусил, смачно пережевывая и мрачно поглядывая на Горбачева.

– Вот и ладушки, вот и ладушки, – завертелся возле стола Шило, разливая водку и угодливо посматривая на Горбачева. – Тебе побольше плеснуть? – подмигивая, спросил он.

– Н-не надо, – заплетающимся языком ответил тот. – И так херово чего-то. Надо рассольчику, что ли, хлебнуть.

Он плеснул себе в стакан рассолу из огуречной банки и с жадностью выпил.

– Вроде как полегчало маленько, – проговорил он. – А то прямо все нутро жгет.

– Это поди изжога у тебя, – невозмутимо отреагировал Шило. – Соды нужно выпить. У меня теща всегда так делала.

– То-то она у тебя и окочурилась, – заметил злобный Козырь. – Небось специально травил старую женщину!

– Почему специально? – искренне обиделся Шило. – Мы с ней душа в душу жили! А что померла раньше времени, так на все воля божья. Кто знает, когда мы порем? – вздохнул он. – Может, завтра все окочуримся!

– Ты не каркай, – одернул его Горбачев. – Давай лучше на боковую. Мы с тобой на диване, а этот... – он хмуро кивнул на Козыря, – в сенях на сундуке пусть дрыхнет.

– Чего это в сенях? – возмутился Козырь. – Там и отопления нет. А на дворе-то не май месяц! Да на сундуке! Нет уж, как хошь, а мне нормальную мебель предоставь!

– Вот козел хренов! – изумился Горбачев. – Сам мою мебель ломает, да еще вякает!

– Сам ты козел! А за козла ответишь! – заплетающимся языком пробормотал Козырь, чувствуя, как перед глазами у него все двоится, пляшет и вертится, как на карусели.

В конце концов, поругавшись еще минут с десять, приятели наконец утомонились. Козырь растянулся на старом матрасе на полу, а Шило с Горбачевым улеглись на диване – единственной спальной мебели в этом доме.

Все стихло. В бедной лачуге Горбатого раздавался только храп и сопение собутыльников. Вдруг Горбачев перестал сипеть и открыл глаза.

– Мать моя родная, что ж такое-то? – вращая глазами, прохрипел он. – Воздуха прямо не хватает! Эй, Шило! – толкнул он в бок спящего товарища.

Тот лишь невнятно пробурчал что-то в ответ.

– Слышь, херово мне! Сходи, «Скорую» вызови, а?

Шило перевернулся на другой бок и снова захрапел. Горбачев, чувствуя, что задыхается, попытался встать и выйти на двор, но ему это не удалось. Он рухнул прямо возле дивана, схватившись рукой за сердце. Приятели, ничего не замечая, продолжали спокойно спать...

Глава 1

Звонок будильника прозвучал, как всегда, резко и неожиданно. Мария ненавидела этот звонок, потому что он означал, что ей предстоит встать, хотя до начала ее рабочего дня было еще три часа. Вставать, чтобы готовить завтрак мужу, который уходил на работу гораздо раньше нее.

Мария не любила хозяйственные дела, а больше всего не любила готовить. Хотя нет, не так: больше всего она не любила своего мужа. А мысль о том, что готовить приходится именно для него, никак не добавляла ей радости.

Она посмотрела на закрытые глаза Никиты. «Еще полчаса дрыхнуть будет!» – с ненавистью подумала она и резко поднялась. Посетив ванную, она привела себя в порядок и прошла в кухню. Открыла холодильник и достала три яйца. Разбивая их над сковородкой, посмотрела в окно. День был хмурый, пасмурным и холодным. Отвлечшись, Мария неосторожно плеснула третье яйцо, и оно начало растекаться по сковороде. Она знала, что Никита этого терпеть не мог, но ей было наплевать. Собственно, он уже и не высказывал претензий по поводу ее стряпни, всегда одинаковой и незатейливой. Пытался, правда, в первое время после свадьбы, но она быстро дала ему понять, кто в доме хозяин, пояснив, что бытовые вопросы ее интересуют меньше всего. И он привык и не пытался больше возражать. Просто затих и ушел в себя.

Выключив конфорку, Мария поставила яичницу прямо в сковородке на стол и тут только вспомнила, что забыла ее посолить. Вздохнув, посыпала готовое уже блюдо солью и пошла будить мужа. Присев на край постели, она некоторое время смотрела на его лицо, где даже во сне сохранялось выражение какой-то тревоги и усталости.

«А ведь он меня тоже ненавидит», – неожиданно подумала Мария, и почему-то от этого осознания ей стало не по себе. Нет, она никогда не питала иллюзий на его счет, знала, что он никогда не любил ее, знала, почему он на ней женился... Ведь она сама так хотела! Но все же...

– Вставай! – громче, чем следовало, произнесла она и тронула Никиту за плечо. – Завтрак готов.

Он открыл глаза и, щурясь, посмотрел на жену. Потом отвел взгляд, закинул руки за голову и задумался.

– Ты будешь вставать или нет? – раздраженно повторила Мария. – Завтрак готов уже.

Никита снова перевел взгляд на жену, и Мария неожиданно заметила в нем что-то новое. Что-то, пока непонятное ей и оттого показавшееся страшным.

– Хоть бы ты исчезла куда-нибудь, – вдруг ровно, без всяких эмоций произнес он и поднялся с постели.

От изумления Мария даже не нашлась что сказать. Она пришла в себя только тогда, когда муж уже вышел из ванной и направился в кухню. Мария поспешила за ним. Присев на стул, Никита вяло ковырял вилкой яичницу, но не ел.

– Ну, так ты объясни, – насмешливо начала она. – Куда это я должна исчезнуть из своей собственной квартиры? Может быть, это тебе следует исчезнуть?

– А я именно это и собираюсь сделать, – отодвинув сковородку, спокойно ответил Никита. – И уже давно!

Он взял кружку с чаем и стал пить, глядя в окно. Эти слова его явились для Марии еще большей неожиданностью. Она знала, что жизнь их никак нельзя было назвать хорошей, отношения – теплыми и любящими, а брак – счастливым. Но все же это был брак, она имела статус законной жены, муж хорошо зарабатывал, во многом благодаря ее отцу, у них, в конце концов, рос сын... В этой, пусть безрадостной, жизни была стабильность. А тут...

Мария, несмотря ни на что, всегда была уверена, что Никита никуда от нее не уйдет. Несколько раз после очередной ссоры он в сердцах заявлял ей, что бросит все к чертовой

матери и уйдет, но Мария знала, что это просто эмоции. Однако сегодня он произнес эти слова как-то до жути спокойно и убежденно, словно все давно решил. А раньше, как бы они ни ругались и ни скандалили, Мария знала, что он останется с ней и все будет привычно плохо, но привычно! Куда он может уйти? Как? Кто он без нее?

Эти мысли, вихрем пронесшиеся в голове Марии, восстановили понемногу ее уверенность в себе, и она, криво усмехнувшись, решила показать ее зарвавшемуся супругу.

– Давай, давай! – начала она, покачивая головой и с чувством превосходства глядя на мужа. – Куда только ты пойдешь? К родителям в коммуналку? Или квартиру снимать? Так имей в виду, после такой выходки ты быстро слетишь со своего места и пойдешь на мизерную зарплату, на которую не то что квартиру снять – пива купить будет проблемой! Я все папе расскажу! – и она победоносно посмотрела на мужа.

– Хватит пугать меня своим папой! – резко сказал Никита и встал. – Я тебе сказал, что ухожу, так я и сделаю. И заранее предупреждаю, что сегодня я домой не приду, так что не ищи меня по всей родне и друзьям.

– Это где же ты ночевать собираешься? – нехорошо прищурилась Мария.

– Не волнуйся, у меня есть где. И жить есть где.

– Ах вот что! – понимающе кивнула Мария. – Бабу себе нашел, да? Так, во-первых, знай, что она с тобой собирается жить потому, что ты сейчас финансовый директор. А вот когда ты станешь торговцем памперсами, то посмотрим, сколько она это выдержит! И сам сюда же приползешь, потому что больше тебе некуда! И еще имей в виду – четверть бюджета будут съедать алименты, на которые я непременно подам!

– Это уж непременно! – согласился Никита. – Только еще раз повторяю – перестань меня пугать, а? Ты меня настолько достала, что любая другая жизнь для меня гораздо лучше, чем с тобой.

– Максим останется со мной! – дрожащим голосом выдала Мария самый главный аргумент.

«Ребенок! – мелькнуло у нее в голове. – Вот от чего он не откажется!»

– Иного я от тебя и не ожидал, – пожал плечами Никита, допивая чай. – Только видеться с ним ты мне все равно не сможешь запретить, так что извини. А потом он и сам сможет выбрать, с кем ему лучше. А ты его и сама видишь-то раз в месяц.

Никита поставил пустой стакан в раковину и пошел в прихожую одеваться. Мария растерялась. Впервые в жизни Никита вел себя так независимо, что на него не действовали ее обычные методы прессинга. Она уже не знала, на что ей надавить, но и оставлять все так не могла. Услышав, что муж уже надевает ботинки, она вскочила со стула и вылетела в коридор.

– Ты не можешь меня так оставить, потому что... Потому что это подло! – выпалила она. – Ты даже не посоветовался со мной, ты меня просто ставишь перед фактом.

– Брось ты, когда это мы советовались друг с другом? – завязывая шнурок, сказал Никита.

– Но ты можешь хотя бы сказать, куда ты уходишь? – в отчаянии закричала она.

– Маша... – Никита поднял на нее усталые глаза. – Ну зачем тебе это? К чему весь этот разговор? Ведь бессмысленно все и бесполезно. Я пошел, опаздываю уже. И хватит тебе, я же знаю, что ты по мне убиваться не будешь. А жить будешь, может, и лучше. Ну зачем я тебе нужен? Ты и сама зарабатываешь, и отец помогает, и мать с ребенком сидит. Найдешь себе кого-нибудь другого и довольно быстро, ну? – Никита говорил мягко и даже потрепал жену за плечо. – А я за вещами попозже зайду.

– За вещами? – в глазах Марии появилась злобная вспышка ярости. Она резко скинула руку мужа. – Так вот знай – никаких твоих вещей здесь нет, ясно? Здесь все только мое! А ты... Ты просто голодранец! Все, что здесь есть, куплено на мои деньги и деньги моего отца! А если ты что и заработал, то опять же благодаря ему! А квартира, между прочим, на меня

оформлена, а машина – на папу, ты на ней по доверенности едешь, если забыл! А после такого папа тебя вообще в дерьмо втопчет, будешь на бирже труда всю жизнь стоять!

– Да, видно, по-хорошему ты вообще разговаривать не умеешь, – тихо, словно самому себе, сказал Никита и вышел из квартиры.

Мария бросилась к окну, чтобы убедиться, что муж выводит из гаража машину, и предьявить ему этот факт. Но Никита направился через двор на автобусную остановку. Мария бесильно опустилась на табуретку, достала из кармана сигареты и закурила. Настроение ее было совсем мрачным.

Да, Никита прав, она не станет по нему убиваться. Волновало ее другое. Мария совершенно не могла представить себя брошенной. Женщина должна быть замужем – в этом Мария была убеждена. Все-таки, что ни говори, а к незамужним или разведенным совсем другое отношение. Такие женщины всегда казались Марии ущербными.

Вон Катька, сестра ее младшая... Двадцать два года, а все не замужем. И не ищет. Так и просидит, а к тридцати вообще уже никто не возьмет. Нет, мужиков нужно ловить, а поймав, держать крепко, чтобы уже никуда не вырвался. Неважно чем, лишь бы крепче.

Как ей казалось, Никиту она держала крепче некуда. А вот ведь вырвался... Волна бешенства снова начала подниматься в ее душе, хотелось отомстить мужу, просто стереть его в порошок и втоптать в грязь. Чтобы на коленях ползал и ноги целовал, простить умолял.

Мысли эти слегка подняли настроение, и Мария даже принялась обдумывать план их осуществления. В первую очередь, конечно, позвонить отцу. Никита останется без работы и без денег. Затем...

От приятных мечтаний ее отвлек телефонный звонок. Мария прошла в комнату и сняла трубку.

– Алло?

– Привет, голуба, – послышался хриловатый голос, и у Марии словно тяжелый комок в груди оторвался и бухнулся куда-то в ноги. Она узнала этот голос. И появление его обладателя на горизонте не предвещало для нее ничего хорошего. Он появлялся уже не в первый раз, и Маша вспомнила тот первый их разговор по телефону, произошедший неделю назад. Тогда она тоже сразу узнала этот голос, но сделала вид, что не понимает, о чем речь...

– ...Вам... кого? – выдавила она тогда.

– Да ладно, не прикидывайся! – засмеялся собеседник. – Ты ж меня сразу узнала. К тому же одна дома сейчас, я знаю. Нам бы, голуба, перечеркнуть с тобой.

– О чем? – стараясь говорить спокойно и не замечая, как сигарета в дрожащих пальцах прожигает дыру на покрывале, спросила Мария.

– Сама знаешь о чем! О бабках, конечно!

– О каких? – упорно продолжала гнуть свою линию Мария.

– О моих, – уточнил тот.

– Но... я не понимаю тебя!

– Все ты понимаешь. Ты дашь мне деньги, а я молчу об одном интересном факте, который связывает нас с тобой. И связывает накрепко. И за то, чтобы он не всплыл, ты выложишь ту сумму, которую я назову.

– Я... Но у меня нет денег! Ты что думаешь, я дочь миллионера? – Это было не совсем удачным сравнением, и Мария тут же это поняла.

– Миллионера – не миллионера, неважно. Главное, что деньги у твоего папаши есть, да и у тебя тоже.

– Но как я объясню это папе? – закричала Мария.

– А это уж, голуба моя, твое дело! Я же не спрашиваю, как ты объяснишь мне, что стала женой своего Никиты и что у вас даже ребенок подрастает? Ты мне это объяснить вряд ли сможешь. Как и то, почему ты...

– Ладно, хватит! – перебила его Мария. – Это не телефонный разговор! Если хочешь, давай встретимся, я все объясню тебе!

– Мне твои объяснения, голуба моя, теперь ни к чему. Мне бабки нужны.

– Давай встретимся и поговорим. Хорошо, я достану деньги, но только мне нужно время!

– Сколько?

– Ну... Недели две.

– С ума сошла? Завтра!

– Но я не могу! Ты думаешь, это все так быстро делается? Что у нас деньги по всему дому валяются? Нужно же еще собрать наличные, это не так просто... – Мария изо всех сил хотела, чтобы он ей поверил и оставил в покое хотя бы на чуть-чуть, чтобы можно было все обдумать.

– Хорошо, даю тебе неделю. За неделю черта достать можно, не то что пятьдесят тысяч! Только, голуба моя, предупреждаю – не пытайся меня надуть или перекрыться. Ты меня когда-то хорошо-о знала...

В трубке запищали короткие гудки, и Мария поспешно грохнула ее на рычаг. Затем закрыла лицо ладонями и задумалась, чувствуя, что у нее сдают нервы. И самое главное, не с кем посоветоваться, потому что рассказать об этом она не может абсолютно никому.

Если она даже признается отцу, тот расщиплет и скажет, что только идиот способен выполнять требования шантажиста, а он не идиот. Да, отец, наверное, прав, но что же тогда делать? Ведь если этот дурак все расскажет, речи о том, чтобы вернуть Никиту, и быть не может. В этом случае вообще все летит к чертям! Нет, его обязательно нужно остановить, хотя бы на время заткнуть ему рот, а там, может, он и сам сгинет... Вот же принесла нелегкая!

Одним словом, нужно думать, где и как достать деньги. Хорошо еще, что этот психопат потребовал с нее пятьдесят тысяч рублей. Это, в принципе, была совсем не запредельная для нее сумма. Правда, она очень боялась, что впоследствии у него может вырасти аппетит. Он же вообразит, что у них тут золотые россыпи...

С того разговора прошла неделя, и именно сегодня наступал срок, когда она должна была передать деньги своему старому знакомому. Деньги за молчание.

Собственно, деньги достать ей удалось. Половину суммы она выпросила у отца, сославшись на то, что хочет поехать в санаторий подлечиться. Остальное удалось срубить на работе. Слава богу, что подвернулось то дело... Однако, вспомнив, чем обернулось это дело в конечном итоге, Маша совсем сникла. Неприятности грозили еще и с этой стороны, и неприятности весьма и весьма крупные.

– Черт! – стукнула Маша кулаком по спинке стула и расплакалась. Сегодняшнее утро определенно выбило ее из колеи.

Она взглянула на часы. До момента, когда она должна отдать деньги, оставалось совсем немного времени. Взяв себя кое-как в руки и успокоившись, Маша принялась одеваться. Лучше поскорее покончить с этим и избавиться хотя бы от одной проблемы. Обо всем остальном она будет думать после.

Мария натянула джинсы и теплый свитер, полезла в потайное место, где хранила деньги, положила их в сумку и, накинув шубу, пошла к двери.

Лифт не работал, и она, окончательно расстроенная, стала спускаться вниз. Практически ничего не видя перед собой, погруженная в собственные мысли, она скорее инстинктивно почувствовала, что впереди появилась чья-то фигура. Маша хотела посторониться, но та перегородила ей дорогу. Маша подняла глаза. В глазах ее застыло удивление.

– Что случилось? – спросила она. – Почему ты...

– Что это? – перебил ее собеседник, показывая в верх лестницы.

Маша обернулась назад. Острая боль, как тонкая игла, пронзила все ее тело, но Мария даже не успела вскрикнуть – удар был направлен точно, так, чтобы убить сразу...

Обмякнув, она повалилась на цементный подъездный пол и, естественно, не могла видеть, как обшаривается ее сумочка, как с трудом набранная сумма денег исчезает из нее, не могла слышать тихие удаляющиеся шаги...

* * *

А Никита, отправившись на автобусную остановку, пребывал в состоянии явного нервного возбуждения. Не думал он, что это произойдет утром, что он вот так, еще не совсем освободившись от грез Морфея, объявит своей вконец опостылевшей жене о разрыве. Он предполагал, что антураж будет иным. Но все равно был доволен собой – не позволил себе взорваться, нахамить, распустить руки. Спокойно и сдержанно выслушал несправедливые и абсурдные, с его точки зрения, высказывания Маши и ушел. Так же спокойно и хладнокровно. Так, наверное, и надо продолжать.

Нервное возбуждение его было сопряжено с холодной решимостью: или сейчас, или, может быть, уже никогда. А решение принимать было надо, потому что – ну что это за жизнь такая, когда в семье находишься как на линии фронта, когда рядом с тобой по сути дела враг! Нет, мириться с этим уже надоело.

Дойдя до остановки и посмотрев вдаль – автобуса не было и пока не предвиделось, – Никита задумался. Озадаченно почесал в затылке и вынул из кармана мобильник. Почти набрал номер. Потом нажал сброс. «Наверное, не сейчас, – подумал он. – Лучше потом». Вынул сигарету, зажег ее и стал топтаться с ноги на ногу – все же на дворе декабрь, и было холодно, – и нервно курить.

Когда сигарета была уже почти выкурена, к остановке подъехал автобус, однако Никита решил не ехать. Несколько досадуя на свою нерешительность, он задулил бычок в урну и порыvistо достал телефон. На этот раз он довел дело до конца.

Услышав в трубке женский голос, он, не представляясь, коротко сказал:

– Это я. Мне кажется, сегодня пришло время сделать то, о чем мы договаривались. Ну, насчет Маши.

– Да? – обрадовалась женщина. – Ты сделаешь это сам?

– Да, – ответил Никита. – Я уже подготовил почву. Кстати, ты будешь дома?

– Да, я никуда не собираюсь.

– В таком случае я приеду к тебе и все расскажу.

Никита окончил разговор, сложил телефон и тут же поздоровался с соседкой, которая только что вышла из автобуса. Она кинула на него несколько удивленный взгляд, поскольку знала, что Никита на автобусах не ездит, а предпочитает свой автомобиль. Кивнув женщине, Никита заскочил в автобус. Однако, проехав пару остановок, он вышел. Его маршрут в это утро отличался от привычного. На работу он твердо решил не ехать, а направиться совсем в другое место.

Глава 2

Лариса Котова давно уже не приходила в ресторан с утра пораньше. А сегодня просто выдался такой день – она провожала своих родителей на поезд, на котором они поехали в Самару. Там тяжело болела тетушка Ларисы, и именно к смертному одру ее и направили свои печальные стопы Нина Андреевна и Виктор Иванович. Таким образом, Лариса встала сегодня как никогда рано, и с вокзала поехала не домой, а в ресторан. В конце концов, иногда полезно почувствовать прелесть морозного утра.

К ее удивлению, на рабочем месте не оказалось обычно пунктуального и исполнительного администратора Городова. Котова взглянула на часы – уже одиннадцать. Видимо, что-то случилось. «И где это он шляется?» – раздраженно подумала Лариса, ловя себя на том, что мысленно произнесла эти слова с интонацией, присущей самому Степанычу, – скрипучей, язвительной, со множеством шипящих обертонов и шумными выдохами. Лариса, как ни странно, даже обрадовалась – будет теперь над чем похвастаться ей самой.

В принципе, особых проблем, требовавших непременно присутствия администратора на работе, не возникло. Лариса спокойно занялась бумажными делами, коих скопилось за ее отсутствие в ресторане немало. Зашла бухгалтер, удивилась, застав начальницу утром в кабинете, потом заглянул шеф-повар и вручил Ларисе на утверждение рецепт нового блюда финской кухни, который тот выудил у какого-то своего приятеля, побывавшего в Финляндии.

– Я сначала приготовлю сама, попробую, а потом – на поток, – улыбнувшись, сказала Лариса.

– Можете попробовать, как приготовлю я, – возразил шеф-повар.

– Нет, так неинтересно, – отрезала Лариса. – Сегодня же вечером, только дома и сама.

Спокойно прошли полчаса. Степаныч по-прежнему не появлялся. «Точно что-то случилось, – окончательно решила для себя Лариса. – Только вот почему он не звонит? Если не домой, так сюда-то уж мог бы!»

Наконец телефон зазвонил, и Лариса была почти уверена в том, что на проводе – Степаныч, но услышала незнакомый женский голос. Женщина была обеспокоена и взволнована.

– Лариса Викторовна? Здравствуйте, это Раиса Васильевна... Жена вашего сотрудника... Городова Дмитрия Степановича.

Дмитрий Степанович Городов давно развелся со своей первой женой. Долгое время он был холостяком, убежденным в том, что все бабы дуры по определению. Женщины, видимо, были убеждены в том же в отношении Дмитрия Степановича. Но вот некоторое время назад нашлась женщина, которая готова была терпеть вздорный характер Степаныча. Официально они свои отношения так и не зарегистрировали, но жили вместе, периодически, правда, расставаясь с бурными скандалами, а затем снова сходясь.

– Да-да, слушаю вас. Мы его ждем на работе, – ответила Лариса.

– А он в милиции. Просил вам передать.

– Что значит в милиции? – оторопела Лариса и подумала, что лихач Степаныч въехал-таки не туда, куда нужно, а проще говоря, врезался в чью-нибудь машину.

– Его в убийстве подозревают. Соседку у нас убили, – пояснила наконец жена Городова.

– Господи... Да он-то при чем? – Лариса была убеждена, что Степаныча можно подозревать в чем угодно, только не в убийстве.

– Его над трупом застали. С ножом в руках, – заплакала женщина.

– Час от часу не легче, – выдохнула Лариса, проклиная администратора Степаныча, который, видимо, сунул свой любопытный нос не туда, куда надо. – Где он находится?

– Я же говорю – в милиции.

– В каком отделении?

– Отделении? – переспросила жена. – А, да! Он сказал, что его повезут во Фрунзенское.
– Спасибо, – сказала Лариса. – Вы не волнуйтесь, я сейчас же поеду туда, и, надеюсь, все уладится.

Быстро положив трубку, Лариса не медля оделась и, взяв деньги и документы, направилась к гаражу. «Вольво» за пятнадцать минут довез ее до Фрунзенского отделения милиции. Здесь Ларисе приходилось бывать, но не очень часто, и знакомых у нее здесь практически не было. Это, однако, не остановило ее, и она решительно прошла внутрь. На вахте ее остановил дежурный и потребовал показать паспорт. Лариса протянула ему документы и спросила, к кому ей обратиться по поводу задержанного Городова. Дежурный стал накручивать диск телефона и минуты через две сообщил, что ей необходимо связаться с капитаном Молчалиным в комнате 26.

На втором этаже Лариса никак не могла найти кабинет с таким номером, потом путем логических размышлений сообразила, что он должен следовать за двадцать четвертым по левой стороне. Она толкнула дверь без каких-либо опознавательных знаков и увидела сидящего за столом белесого капитана. А напротив него с физиономией краснее обычного восседал взъерошенный Дмитрий Степанович. В тот момент, когда Лариса вошла в кабинет, он как раз с вытаращенными глазами потрясал руками, пытаясь что-то доказать невозмутимому капитану.

– Прошу прощения, – громко сказала Лариса. – Я к капитану Молчалину по поводу этого человека.

– Вы кто? – спросил капитан.

– Я его начальница, приехала выяснить, что происходит.

– Извините, сейчас идет допрос, подождите пока в коридоре, потом я вас приму, – сказал Молчалин.

Выждав в коридоре часа полтора, Лариса наконец увидела Молчалина, который высунулся из кабинета и позвал дежурного. Через несколько секунд тот вывел из кабинета закованного в наручники Степаныча. Проходя мимо Ларисы, он кинул на нее мрачный взгляд, полный мольбы.

– Все будет в порядке, – успела крикнуть ему Лариса.

Степаныч, видимо, настолько был измотан допросом, что не стал по своему обыкновению многословно разоряться, а лишь молча кивнул.

– Проходите, – сказал Молчалин. – Тут вам рекламу сделал подозреваемый. Говорил, что мы работать не умеем, а вот вы – лучший частный детектив в городе.

– Ну, во-первых, я детектив-любитель, – пояснила Лариса, – но кое-каких успехов действительно на этом поприще достигла. Можете поинтересоваться на этот счет в городском управлении у майора Карташова.

– Карташова? – переспросил Молчалин. – Да он вообще-то, по-моему, уже месяц как подполковник.

– Неужели? – ахнула Лариса. – Растет парень.

– Ну, так и что же вы от меня хотите? – вернул Молчалин Ларису к теме разговора.

– Я хотела бы внести залог. За Городова. Чтобы его освободили под подписку до выяснения.

Молчалин нахмурился, поиграл ручкой, потом ответил:

– Боюсь, это невозможно. Слишком явные улики. Сами посудите: на ноже отпечатки его пальцев, и больше ничьих, кстати говоря, мы не обнаружили – это первое. И смерть жертвы наступила примерно в тот момент, когда Городова заметила соседка.

– А он как-то это объясняет? – прервала капитана Лариса.

– Объясняет. Говорит, что просто шел на работу, увидел труп, решил посмотреть, кто это, и якобы машинально схватился за нож. Вроде эта самая соседка его и испугала своим появлением. Кстати, соседка показывает, что отношения у Городова с убитой были плохие.

– Но ведь не будет же он хвататься за нож на этом основании?! – воскликнула Лариса.

– Не скажите, не скажите, – не смутился капитан. – Я общался с ним два часа и могу сказать, что мужичонка он нервный, вспыльчивый, неуравновешенный. Как минимум пять раз он бросался на меня с вытаращенными глазами.

– Это он может, – подтвердила Лариса. – Однако я его знаю давно – не способен он на убийство.

– Ваши слова, к сожалению, к делу не пришьешь, – отрезал капитан. – Разбираться будем, искать других подозреваемых, но пока отпустить я его не могу.

– Можно мне хотя бы поговорить с ним?

– Это не ко мне. Это к начальству, – вздохнул капитан. – А сейчас прошу меня извинить. У меня тут еще одно дело.

– Так к кому мне обратиться?

– Можете к Карташову, можете к нашему начальнику, если он, конечно, на месте.

– Понятно, спасибо, – поднялась Лариса с места.

Разговор с Карташовым по телефону оказался недолгим. Лариса поздравила Олега Валерьяновича с повышением и посетовала на то, что он даже не сообщил ей об этом.

– Я только позавчера вернулся, – объяснил Олег. – Ездил с комиссией в Ярославль. Начальника там скинут скоро, по нашей наводке.

– Это все хорошо, но у меня к тебе одна просьба. Мой администратор попал в нехорошую историю – его подозревают в убийстве.

– Кого? Степаныча? – удивился Карташов.

– Да, к сожалению. Его арестовали и держат во Фрунзенском. Я бы хотела с ним встретиться и поговорить.

– Понятно. И что же?

В голосе Карташова Лариса уловила нотки некоего удовлетворения по поводу того, что Степаныч вляпался в историю. Дело в том, что он был в курсе того, что Степаныч считал самого Олега «тупым ментом» и относился к нему высокомерно. Карташов отвечал ему тем же.

– Как что? Ты же можешь устроить мне встречу. Тем более что ты теперь подполковник.

– Могу, – кратко ответил Карташов. – Перезвони через пятнадцать минут.

Через полчаса милицейские формальности были улажены, и Лариса разговаривала с сидящим через решетку Степанычем. Администратор яростно расчесывал голову, поминутно «екал» и «ндакал», в общем, был в своем репертуаре.

– Главное, я не могу понять, чего ко мне-то прицепились! – возмущенно повторял он.

– Как раз это-то понятно, – возражала Лариса. – Ты лучше скажи, зачем ты за нож схватился?

– Ё, да я не собирался за него хвататься, – Степаныч аж развернулся на сто восемьдесят градусов.

– Ладно, все, давай к делу.

Лариса поняла, что подобные вопросы ему уже задавали в течение нескольких предыдущих часов и лучше было бы выяснить картину происшедшего.

– В общем, так, – шумно вздохнул Степаныч и начал свой рассказ.

* * *

Дмитрий Степанович Городов сидел на кухне и поедал жареную камбалу. Это была единственная рыба, которую он признавал. Специально для него жена закупала ее на рынке и подавала ему в качестве еды. Аргументы о том, что другая рыба, в частности сом или карп, значительно превосходит камбалу по вкусовым качествам, на Дмитрия Степановича не действовали. Переубедить его было невозможно. Городов вообще был чрезвычайно привередлив

в еде. Несмотря на то что он работал администратором ресторана «Чайка», славившегося в Тарасове разнообразием и экзотичностью блюд, Городов отличался крайней невзыскательностью. Из всех салатов он ел только винегрет, из колбас – только обезжиренную, а из фруктов выбирал исключительно яблоки и груши, чем достигал определенный баланс в пищеварении. Если первые, скажем так, слабили Дмитрия Степановича, то вторые закрепляли. А самым любимым его блюдом были простой черный хлеб и отварной картофель. Просто и со вкусом. По крайней мере, так считал сам Городов.

Но в это утро, несмотря на поданную к столу его любимую камбалу, Городов был недоволен. Это недовольство было спровоцировано очередной просьбой тещи, которой срочно понадобились деньги на лекарства. Городов получал достаточно, но еще с молодых лет в нем прочно укоренился червь скупости, которую, впрочем, он выдавал за экономность и отчасти даже бравировал этим.

– Нерв у меня воспалился, – плаксиво пожаловалась теща утром. – Всю ночь уснуть не могла. Лекарства нужны. – И заискивающе посмотрела в мрачное лицо любимого зятя.

Городов шумно вздохнул, помолчал немного, а потом выдал:

– А вы большим пальцем массируйте, массируйте его... Здорово помогает!

И наглядно показал, как это нужно делать. Теща, однако, не удовлетворилась предложенным Дмитрием Степановичем методом лечения и повторила:

– Лекарства нужны...

Тут в разговор вступила и жена Городова, чем окончательно вывела его из себя. Дмитрий Степанович некоторое время слушал, а потом неожиданно завопил:

– Да... Да куплю я эти лекарства! А вы чем ныть, давно бы уже позвонили в аптеки и выяснили, где они самые дешевые! А то сейчас попретесь туда, где к дому поближе, а мне лишние бабки платить! Вам-то плевать, конечно, а я только и делаю, что работаю! Машину вон надо чинить – я что-то у вас на ремонт денег не спрашиваю!

Он нервно забарабанил пальцами по крышке стола и нахмурился. Теперь Городов переживал уже по поводу того, что вспомнил о предстоящем ремонте машины. Это обстоятельство окончательно испортило ему настроение, и он, не доев любимую камбалу, поднялся из-за стола и промаршировал в прихожую. Как назло, он резко дернул куртку, и у нее оторвалась вешалка.

– Ё, кто так вешалки пришивает?! – вытаращив глаза, заорал Городов.

– Давай пришью, – тут же предложила жена, но Городова уже ничто не могло утешить. Он решительно достал из шкафа кашемировое пальто, в котором немилосердно мерз, поскольку оно было демисезонным, бросил на жену презрительный взгляд и вышел на лестницу в полной уверенности, что все вокруг мудаки и педики.

Он подошел к лифту и нажал кнопку вызова. Но сегодня явно был не день Дмитрия Степановича – лифт не работал. Длинная матерная тирада, которой он награждал всех, начиная от местной администрации и заканчивая Салманом Радуевым, разнеслась на весь подъезд, однако к починке лифта не привела. Дмитрий Степанович сплюнул на пол и стал спускаться по лестнице, шумно топая.

Он дошел до четвертого этажа, как вдруг в пролете заметил лежащее на полу женское тело.

– Напьются с утра, как свиньи! – с ненавистью прокомментировал он увиденное. – Бомжихи эти! Кодовый замок нужно ставить...

Собственно, вопрос о кодовом замке в подъезде, где проживал Городов, поднимался давно. И многие жильцы были двумя руками «за». Но находились и ярые противники, первым из которых был сам Дмитрий Степанович. Его экономное сердце никак не хотело переживаний по поводу потраченных денег на пресловутый замок. В данный момент он, однако, не помнил об этом и костерил «старух-крохоборок», которые также жалели собственные средства.

Он уже хотел было пройти мимо женщины, как вдруг обратил внимание на то, что она одета хорошо и дорого и ее внешний вид никак не напоминает бродяжнический. А в следующее мгновение заметил и еще одно обстоятельство, которое заставило его тут же позабыть про кодовый замок, – в спине женщины торчала рукоятка ножа.

– Как это? – растерянно произнес он, оттопырив нижнюю губу.

Некоторое время он стоял неподвижно и молча, рассматривая тело и постепенно приходя к выводу, что это уже бездыханный труп.

– Н-да-а... – протянул он.

Затем, движимый в первую очередь любопытством, он потянулся к телу и попытался перевернуть женщину так, чтобы было видно ее лицо. Почему-то в голове у него пронеслась абсурдная мысль о том, что нож может выпасть, и он, несмотря на то, что всегда был человеком рассудительным и, как ему казалось, прагматичным, инстинктивно ухватился за рукоятку. Хотя знал, знал Дмитрий Степанович, что так поступать ни в коем случае нельзя, что так делают только нелюбимые им мудаки и педики, коих до черта вокруг. Вот только сам Дмитрий Степанович к ним ни в коей мере относиться не может. И вот ведь надо – черт попутал! Может быть, он вспомнил прочитанный в юности роман Дюма, где один из персонажей был жив до тех пор, пока у него не вытащили из тела нож, а потом сразу умер. Во всяком случае, Городов руководствовался исключительно благими намерениями – если женщина еще жива, то нужно было не дать ей умереть.

Но он схватился за нож. И это стало роковым эпизодом для него этим утром. Откуда-то сверху послышался шум распахнувшейся двери, а затем торопливые шаги. Завершил все это отчаянный женский визг. Городов выпустил нож из рук, обернулся и увидел соседку с четвертого этажа, Марию Петровну, которую не далее как на прошлой неделе Городов залил, а в ответ на ее претензии обозвал старой обезьяной. Несмотря на то что Марии Петровне было за шестьдесят, а внешностью она, по-видимому, не отличалась в лучшую сторону даже в молодости, соседка обиделась. И прокляла Городова, его жену и тещу как «сволочей, гадов и паразитов». Обещала также подать в суд и написать в газету. Городов послал ее куда подальше и даже плюнул вслед. Такой вот он был эмоционально-неуравновешенный, с одной стороны, и сухой и скупой – с другой.

В другое время данный бытовой эпизод вряд ли бы имел значение. Но тут Городова застали не в самый лучший момент его жизни. И он в считанные доли секунды вдруг понял, что, похоже, проклятье Марии Петровны начинает сбываться. Он моментально осознал, как воспринимается ею его нахождение возле трупа с окровавленным ножом в руках. Поскольку подозрительный и почти что ненавидящий взгляд соседки об этом красноречиво свидетельствовал.

– Ты что ж делаешь-то, а? Бандитская рожа! – для заправки произнесла Мария Петровна по-театральному тихо.

Но чувствовалось, что это только прелюдия драматического монолога, который должен достигнуть своего пика через минуту. И действительно, вслед за этой произнесенной жутким шепотом фразой последовал оглушительный ор.

– Помогите, люди добрые! Среди дня убивают! – завопила бабка.

А когда Городов с тщетным намерением оправдаться попытался приблизиться к ней, гневно вертя воспаленными зенками, завопила еще пуще:

– Милицию! Милицию срочно! Он сейчас весь дом перережет! Не прикасайся ко мне! Пускают тут к себе всяких...

Мария Петровна явно намекала на то, что Дмитрий Степанович жил как бы на птичьих правах у жены с тещей, сдавая собственную квартиру внаем, чтобы не пропадали деньги.

Одна за другой стали распахиваться двери в подъезде. Растерянные соседи испуганно спрашивали, что случилось, но Мария Петровна голосила только, что «одни бандитские рожи

кругом» и что «он сейчас весь дом перережет». Городов, отчаявшийся перекричать ее, бросился наверх, чтобы попытаться объяснить ситуацию другим соседям, но Мария Петровна, решившая, что он намерен перерезать горло и ей, заверещала пуще прежнего и с невиданной для ее возраста прытью заскочив в квартиру, захлопнула дверь, продолжая вещать оттуда, чтобы немедленно вызвали милицию.

Голос ее, однако, стал звучать тише, и одна из соседок осторожно сделала несколько шагов вниз.

– Господи! – проговорила она. – Да это ж Машка Суровцева из семьдесят шестой! Да ее что ж, в самом деле, убили, что ли?

– Видимо, да, – вставил наконец Городов. – Только это не я!

Соседка с подозрением уставилась на него и на всякий случай отступила подальше.

– Да не я это! – начал свирепеть Городов. – Одна дура наплела тут не знаю что, а остальные подхватывают! Эх, и дуры! Ну и дуры!

Это высказывание далеко не лучшим образом повлияло на отношение к нему перепуганных соседок, и одна из них заявила, что уже позвонила в милицию и что они уже выехали. Городов помрачнел. Уйти с места происшествия он уже не мог и вынужден был бестолково топтаться на месте в ожидании дальнейших событий.

Среди соседей был и один довольно молодой мужчина, который не столь эмоционально воспринял случившееся. Он-то и угостил смятенного Городова сигаретой – Дмитрий Степанович курил редко и всегда не свои. По причине той же экономии. Он как раз докурив сигарету до конца, когда снизу послышалось топанье ног и мужские голоса. А вслед за этим в пролете появились и представители правоохранительных органов. Городов, едва взглянув в лицо идущему впереди милиционеру, сразу зачислил его в разряд своих недоброжелателей, что, в принципе, очень скоро подтвердилось.

– Капитан Молчалин, – представился он.

– Городов Дмитрий Степанович, – отрапортовал Степаныч.

– Вы обнаружили труп?

– Я, – мрачно отвечивал администратор и опустил голову.

Это показалось капитану Молчалину подозрительным, и он продолжил задавать вопросы. В принципе, они были обычными и ничего особенного не таили, но тут вступила соседка Степаныча, которая в эмоциональной манере прокричала, что именно Степаныч и зарезал женщину.

– У него нож в руке был, я сама видела... Вы посмотрите, посмотрите, какие глаза у него! – с некоторой опаской говорила Мария Петровна. – Истинный бандит. Весь подъезд затерроризировал. Живет здесь без году неделя, а безобразничает на полную катушку!

– Вас не спрашивают, – едва сдерживаясь, прокаркал Степаныч.

– А я вам скажу больше – он и меня бы прирезал, – настойчивую Марию Петровну оставить было сложно.

– Да какое прирезать! Что вы ее слушаете, она уже из ума выжила, обезьяна старая! – сорвался-таки Городов.

– Вы брали нож? – строго спросил капитан Молчалин.

– Я? – уточнил на всякий случай Степаныч. – Я?

– Да, вы, вы! – нетерпеливо подтвердил Молчалин.

– Брал, – признался Степаныч.

– Зачем? Это ваш нож?

– Это не мой нож.

– Так, пиши, – обратился к своему помощнику Молчалин. – Нож не его. А чей он?

– Да я откуда знаю? – загорячился Степаныч. – Я только тело перевернуть хотел, чтобы рассмотреть, кто это!

– Зачем? – не отступал Молчалин.

– Вы где живете? – вступил в допрос еще один оперативник. – Работаете где?

– Документы ваши, – слышался еще один голос.

– Слушайте, задавайте свои вопросы по очереди, а то я не знаю, кому из вас отвечать, кто тут у вас главный, – вконец возмутился Степаныч.

– Ваши документы, – махнув рукой остальным, произнес Молчалин.

Степаныч вынул из кармана паспорт и протянул его капитану. Тот очень внимательно сверил фотографию с оригиналом и пришел к выводу, что они очень сильно отличаются. Что было неудивительно, потому что фотография в паспорте Степаныча была двадцатилетней давности. Из скупости он не менял фотографию, хотя ему исполнилось сорок семь и нужно было это сделать уже два года назад.

– Да это я, кого хотите спросите! – продолжал горячиться Дмитрий Степанович. – Хотя бы жену мою с тещей!

Молчалин повернул далее страницы в паспорте и спросил:

– Жену у вас как зовут?

– Раиса Васильевна.

– А тут написано – Лариса Михайловна! – уличающе заметил Молчалин.

– Ё, да это первая моя жена, я с ней просто официально не развелся, все недосуг было! – отчаянно махнул рукой Степаныч.

– Так, понятно... И проживаете вы не по этому адресу, – пригвоздил окончательно к позорному столбу Городова капитан.

Однако Степаныч продолжал отстаивать собственные честь и достоинство.

– Проживаю я по этому адресу, – отчеканил он. – Я просто прописан по другому. С тех пор как женился, я переехал сюда.

– Так, ладно, – махнул рукой капитан. – Давайте приступайте к осмотру, а вам придется проехать с нами в отделение. Пальчики снять, и все прочее. И вас тоже, – указал он пальцем на соседку Марию Петровну.

В этот момент на лестничную площадку вышла жена Городова и, увидев мужа, тут же открыла рот:

– Дима, а я знаю ту аптеку, где можно купить лекарство подешевле.

И, уже произнеся эту фразу, заметила, что Городов находится в окружении милиционеров и пребывает не в самом лучшем своем настроении.

– Да идите вы... со своими аптеками! – отчаянно рубанул он рукой воздух. – Меня вон в милицию забирают... Из-за вас! Потому что выбили меня из колеи с утра своими лекарствами! И я от растерянности к этому трупу кинулся...

Тут жена Городова обратила внимание и на труп, и на соседей, и на криминалистов, которые возились на площадке, и тихо ахнула.

– Что же теперь будет? – испуганно спросила она, а Степаныч уже затопал вниз в сопровождении оперативников.

Но неожиданно практицизм его возобладал над эмоциями, и он, словно вспомнив о чем-то, резко поднял голову и крикнул жене:

– Позвони Ларисе Викторовне! В ресторан или домой, куда угодно! Куда вы меня ведете, в какое отделение? – обратился он к Молчалину.

– Во Фрунзенское, – недовольно ответил он. – Давайте шагайте скорее, у нас времени мало.

Степаныч шумно вздохнул и покорно зашагал вниз.

* * *

– Теперь вы понимаете, кто во всем виноват? – спросил Городов.

– Нет, – озадаченно ответила Лариса.

– Нет, вы не понимаете! – затряс узловатым пальцем Городов. – И они тоже не понимают! А виновата во всем жена, которая голову мне заморочила своими лекарствами! Если бы не они с тещей, я бы так рано не свалил из дома. И кто-нибудь другой наткнулся бы на эту Машку. Кому она понадобилась? И главное, не могли убить в другом месте, обязательно надо было в нашем подъезде!

– Так, а кто эта Машка?

– Да овца драная из семьдесят шестой квартиры! Вообще я вам скажу, стебанутая баба. И мужик у нее такой же. Мудак, одним словом.

Лариса несколько не удивилась такому определению, порадовавшись только, что муж убитой не был охарактеризован еще и как «педик».

– Что ты можешь сказать об их семье? Где они работают? Что вообще собой представляют?

– Да семья как семья, – пожал плечами Городов. – Он бизнесом вроде бы занимается, а она где-то в санэпидстанции работает. Херней, в общем, страдает. Главное, я как-то у нее отравы для тараканов попросил, так она не дала! Знает же, что у меня тараканы – и не дала! Она вообще какая-то угрюмая баба. И злобная. Фригидная, наверное.

– Ладно, хватит! – прикрикнула на него Лариса. – Вряд ли ее убили по причине фригидности, так что не трать времени, говори по делу. Какие с соседями у них отношения?

– Да не знаю я! Я сам с этими соседями не общаюсь, они все стебанутые!

– Как мужа ее увидеть, знаешь? – теряя терпение, спросила Лариса.

– Дома и увидите, – буркнул Степаных. – Вообще не знаю, кто ее грохнул! В самом деле, не из-за того же, что она угрюмая и злобная.

– А муж тоже злобный?

– Нет, – признал Степаных. – Он, скорее, пофигист. Хотя ее тоже терпеть не мог, это я точно знаю. Они часто ругались.

– Дети есть у них?

– Есть, – мрачно сказал Городов. – Мальчик. Только он чаще бывает у матери ее или сестры. Да какое это имеет значение? – начал он заводитьсь. – Вы бы лучше убийцу искали!

Лариса окинула его холодным взглядом и еще раз спросила:

– Где можно найти мужа, кроме как дома? Или где мать этой Маши живет?

– Да не знаю! Вы лучше у соседей спросите, они точно скажут. Им все надо. Они целыми днями ни хрена не делают, только нос свой везде суют!

– Пока что я вижу, что это ты нос свой везде суешь, – заметила Лариса, поднимаясь. – Ладно, я пошла. Тебе принести что-нибудь?

– Не надо мне ничего! Лариса Викторовна, вы... – смутился Степаных. – Найдите убийцу, Лариса Викторовна, найдите!

В его голосе зазвучали плаксивые интонации.

– Я... отработаю, Лариса Викторовна, – продолжал канючить Степаных, – я даже от премии к Новому году откажусь!

– Вообще-то я пока не говорила, что выдам тебе премию, – сказала Лариса, но, заметив, как Городов совсем сник, улыбнулась ободряюще и добавила:

– Ладно, я, конечно же, сделаю все, что смогу. Так что не переживай. Жена придет тебя навестить...

– Не надо! – отрезал Степаныч. – Я из-за нее сюда и загремел! А то еще скажите – теща придет! Нашли чем порадовать!

Он снова разворчался, и Лариса поспешила оставить его наедине со своими претензиями к миру. Она вышла на улицу, села в машину и направилась к дому, где жили жена и теща Дмитрия Степановича. Обе они были дома. По просьбе Ларисы жена Городова сбегала к соседям, выяснила место жительства матери Марии Суровцевой и сообщила его Ларисе. Та, как могла, успокоила расстроенных женщин и, попрощавшись, направилась знакомиться с семьей убитой.

Глава 3

Лариса была встречена крайне настороженно. В квартире собралась большая компания. Собственно говоря, это были все те, с кем и хотела познакомиться Лариса.

В большой комнате, по традиции называемой гостиной, на диване сидели двое – молодой мужчина с залезанными назад черными волосами и девушка с довольно невыразительной, но в то же время миловидной внешностью. Ее светло-русые волосы были подстрижены достаточно коротко, но это ее не портило.

За столом, опустив голову, сидела пожилая женщина и время от времени всхлипывала. Лариса сразу поняла, что это мать Маши. Отдельно от всех, в углу, в кресле, мрачно курил солидного вида усатый мужчина, с брюшком, в пиджаке и галстуке. Выглядел он довольно высокомерно, хотя и было видно, что он неподдельно переживает случившееся. Скорбь, пускай и с оттенком некоторой официальности, проглядывала на его лице.

Дверь же Ларисе открыла еще одна пожилая женщина, довольно полная, с круглым лицом. Котова представилась частным детективом, который взялся расследовать дело об убийстве Маши Суровцевой, чем и вызвала подозрительность женщины, открывшей ей дверь. Еще больше округлились ее глаза, когда Лариса призналась, что расследует это дело по просьбе подозреваемого Городова.

– Вы, наверное, в курсе того, что арестован сосед Маши, Дмитрий Степанович Городов, – сказала она. – Это мой знакомый, и, несмотря на некоторые отрицательные черты его характера, я уверена в том, что он не убивал.

– Вот как? – отреагировала женщина. – Ну что ж, я даже не знаю, что вам сказать на это...

– Кто там, Валя? – подняла голову женщина за столом.

– Оля, пожаловал частный детектив. Хочет соседа из тюрьмы вытащить, ну, того, кого сегодня арестовали. Кто убил...

– Да подождите вы, что значит, убил? – вступил в разговор молодой парень с дивана. – Еще ничего не доказано.

– Ой, не доказано, не доказано! – махнула рукой женщина, открывшая дверь. – Соседи вон говорили, что он бандит настоящий!

– Тетя Валя, что за категоричность такая? Я знаю этого соседа. Мужик вздорный, конечно, но чтобы убить...

– Да вы проходите, проходите, – пригласила Ларису женщина за столом. – У меня сестра просто очень эмоциональная. Валя, проводи женщину, посади.

«Итак, женщина за столом – Ольга Михайловна, мать убитой, а полная подозрительная дама – ее сестра Валентина», – отметила про себя Лариса.

Она прошла в комнату, и тут ей представились молодые люди на диване. Это были Никита Кораблев, муж убитой Маши, и Катя, ее сестра.

– Я до сих пор оправиться не могу, – пожаловалась Ольга Михайловна. – Не могу...

И заплакала. В комнате воцарилась тишина, нарушаемая только лишь стуком графина о стакан – солидный мужчина наливал воду для Ольги Михайловны.

– Спасибо, – сказала она и выпила воду. – Я тоже не очень-то верю, что этот сосед убил Машеньку. Зачем это ему надо было? Ой, да что же это на меня все беды-то свалились?! – снова запрычитала она.

– Оля, успокойся, – пробасил солидный мужчина и, поймав взгляд Ларисы, соизволил представиться: – Сергей Борисович Суровцев, отец Маши.

– А вы что же, давно занимаетесь, так сказать, частным сыском? – поинтересовался он после паузы, недоверчиво глядя на Ларису.

– Уже несколько лет. И надо признать, что довольно успешно.

В глазах Сергея Борисовича промелькнул скепсис. Он даже усмехнулся краешками губ.
– Неужели? – удивился Никита, муж Маши. – И вы считаете, что сможете найти настоящего убийцу?

– Почему бы нет? До сих пор вроде бы удавалось, – сказала Лариса.

Сергей Борисович уже более откровенно усмехнулся в усы.

– И что же вы хотите узнать? – спросил он полунасмешливо-полуснисходительно.

– Я ничего не знаю о Маше. Не знаю, чем она жила, с кем общалась, были ли у нее враги... – начала Лариса.

– Враги – это вы зря, – убежденно ответствовала Валентина Михайловна. – Моя племянница, царствие ей небесное, характером пошла в папу, – она кинула взгляд в сторону Сергея Борисовича, – так что пай-девочкой ее назвать было нельзя. Но чтобы вот так ненавидеть и желать смерти!.. Вряд ли, вряд ли...

Тетка покачала головой.

– Никита, ты, что ли, скажи! – обратилась она к мужу Маши. – Ты ведь с ней жил, а не мы! Что, она поцапалась, что ли, с этим Городовым или как его там?

– Ни с кем она не цапалась, кроме... – Никита замолчал на полуслове и нерешительно добавил: – Кроме меня. Но я... Меня-то, я надеюсь, вы не подозреваете?

– Тебя не подозреваем, – ответила за всех Валентина Михайловна, а Лариса заметила, как нахмурился Сергей Борисович.

Тем временем он потушил сигарету в пепельнице, встал, подошел к сидевшей по-прежнему в трагической позе Ольге Михайловне и обнял ее за плечи. В этот момент дверь еще в одну комнату отворилась, и на пороге появился изможденный седой мужчина невысокого роста. Он поморщился и осипшим, каким-то неестественным голосом попросил:

– Оля, если можно, прошу тебя, давай проветрим комнату.

На его просьбу как-то нервно отреагировала Валентина Михайловна – она порывисто бросилась к окну и приоткрыла его, потом укоризненно взглянула на Сергея Борисовича.

– Андрей Владимирович, я извиняюсь, – сухо сказал первый муж Ольги Михайловны. – Дурная привычка, и потом – нервы... Оля, мне пора.

Хозяйка подняла на бывшего мужа заплаканные глаза.

– Я предприму кое-что по своим каналам, – подбодрил ее он. – Есть у меня на примете один парень, он лучше, чем менты, разберется в этом деле.

– Да что уж тут предпринимать, Машеньку-то не воротишь... Доченьку-то нашу! – женщина затряслась в рыданиях.

Тем временем мужчина, которого назвали Андреем Владимировичем, снова удалился в свою комнату. Отвечая на немой вопрос, застывший в глазах Ларисы, сидевшая ближе всех к ней Катя сказала:

– Папа не переносит табачного дыма. Он болеет.

– Папа? – удивилась Лариса. – А Сергей Борисович?

– Он первый муж моей мамы и отец Маши, – пояснила Катя.

Сергей Борисович уже направился в прихожую. Лариса, хоть и чувствовала, что этот человек относится к ней с недоверием, все же решила обратить на себя внимание, пока он не ушел.

– Извините, но все-таки не могли бы вы сказать, кого вы сами подозреваете? – задала она вопрос, обращенный ко всем присутствующим. – Кстати, Сергей Борисович, пока вы не ушли, может быть, вы тоже ответите?

Отец Маши бросил на Ларису холодный взгляд и пожал плечами.

– Мне нечего сказать по этому поводу. Мы с Машей не так часто виделись, и она не особо откровенничала о своей жизни. Я думаю, во всем надо разбираться более детально. Но, со своей стороны, я уже высказал мнение – у меня есть человек, который сможет грамотно

провести расследование. И если виновен ваш знакомый Городов, значит, он будет сидеть в тюрьме. А сейчас извините, мне пора, – он красноречиво показал на часы. – Валентина, я распорядился насчет всего, что нужно. Завтра я позвоню и уточню детали похорон, – бросил он напоследок.

После упоминания слова «похороны» снова зашлась в плаче Ольга Михайловна. Заботливая сестра Валентина принесла из кухни успокоительное и заставила ее выпить.

– Никита, может быть, вы скажете что-нибудь более определенное? – сосредоточила Лариса внимание на муже Маши. – Может быть, в последнее время вы что-то заметили?

Никита пожал плечами, а потом задумался.

– Да нет, все было, как всегда. Как обычно, – ответил он после некоторых раздумий. – О своих делах на работе Маша не распространялась, а вроде бы больше и... говорить не о чем.

– Может быть, у нее есть подруги, которые более в курсе ее дел? – осторожно спросила Лариса.

– Нет, – ответил Никита. – Она особо с подругами не общалась. У нее их и было-то две, одна – на работе, другая – одноклассница, так она сейчас с маленьким ребенком сидит, недавно родила. Так что Мария с работы – домой, и обратно.

– Она что, никуда не ходила?

– Ну, со мной иногда, в гости, к моим родителям, к другу моему, – неохотно ответил Никита. – Да мне и некогда особо по друзьям-то шастать. Я на работе до вечера, а она дома любила сидеть.

«Дома сидеть любила, а ребенка все время отдавала родителям», – подумала Лариса, но ничего из этого факта выстроить пока не могла. Видимо, нужно выходить на более доверительный контакт с кем-то из присутствующих, и наиболее подходящим вариантом ей показалась сестра Катя: она выглядела наиболее доверчивой и открытой.

В это время зазвонил телефон. К нему тут же подошла Валентина, которая в этот вечер выполняла здесь функции и дворецкого и секретаря.

– Алло! – сказала она в трубку. – Машу?.. Ой, а Маши нет... Ее убили. Сегодня утром... А кто ее спрашивает? – как бы опомнившись, быстро спросила она.

После молчания в течение нескольких секунд Валентина Михайловна отодвинула трубку от уха и обвела всех недоуменным взглядом.

– Трубку бросили, – объяснила она.

– А кто звонил-то? – поинтересовался Никита.

– Мужчина какой-то.

– Мужчина? – переспросил Никита и нахмурился.

Лариса, почувствовав хоть какую-то зацепку, спросила у него:

– Вы что-то вспомнили?

Никита немного помялся, пожал плечами и проговорил:

– Вы знаете, я вспомнил, что... Были какие-то звонки в последние дни, когда Маша... Ну, в общем, она старалась уходить в другую комнату – у нас радиотелефон, так что это вполне реально. Чтобы, значит, не мешать мне, – пояснил он. – Но...

– Что «но»? – нетерпеливо спросила Лариса.

– Она после этих разговоров выглядела какой-то... как бы не в своей тарелке. Я спрашивал, кто звонил, она говорила, что с работы, и вроде бы там какие-то неприятности. А какие неприятности – не говорила. Да и мне особо...

Никита остановился на полуслове, и Лариса поняла, что он хотел сказать: «Да мне и не особо интересно было», но, видимо, устыдившись сейчас такой своей позиции, не стал продолжать.

– Я так понимаю, что у вас с женой были не слишком хорошие отношения, – Лариса старалась говорить не очень жестко.

– Да, – ответил Никита и с неким вызовом посмотрел в глаза Ларисе. – И, кстати, никакого секрета мы из этого не делали.

– Да какое это имеет сейчас значение? – всплеснула руками тетя Валя. – Молчи уж! А то и тебя заметут еще!

– Меня-то за что? – удивился Никита.

– А то! Думаешь, они разбираться, что ли, будут? – продолжала неистовствовать Валентина Михайловна. – Узнают, что вы как кошка с собакой жили, да и обрадуются.

– Ну, знаете ли, я не собираюсь тут все это слушать, – Никита вскочил с места и направился в прихожую. – Пойду покурю лучше на лестницу. А насчет Маши могу сказать, что хоть мы и терпеть друг друга не могли, но убивать ее мне никакого резона не было. Проще было бы развестись.

Сказав все это, Никита вышел за дверь. Немного погодя Катя встала со своего места и, посмотрев на тетю Валу с неким укором, пошла вслед за Никитой. В комнате остались обе сестры и Лариса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.